

Д.В.Разумовский

Конец «постлиберального» регионализма в Латинской Америке?

В научной литературе период развития латиноамериканской интеграции с начала 2000-х годов по середину 2010-х годов принято определять как «постлиберальный регионализм». Данный термин не очень точно отражает суть происшедших событий, что мешает пониманию истинной динамики интеграционных процессов и затрудняет прогнозирование их будущего. Очевидно, что сегодня регион стоит на пороге нового этапа развития регионализма. В данной статье предпринята попытка описания «образа будущего».

Ключевые слова: региональная интеграция, латиноамериканский, постлиберальный, открытый регионализм, Mercosur, Unasur, Тихоокеанский альянс.

В обширной мировой и российской научной литературе латиноамериканскую интеграцию принято разделять на определенные этапы. С момента создания первых объединений в 60-х годах XX в. до конца 80-х годов длился этап «закрытого регионализма»; период 90-х годов, когда весь латиноамериканский регион проходил болезненные неолиберальные реформы, традиционно характеризуется как «открытый регионализм». С начала 2000-х годов в Латино-Карибской Америке (ЛКА) начался процесс масштабной политической трансформации, получивший широко известное название «левый поворот». Ряд исследователей поспешили спроецировать данные идеологические сдвиги, происходившие на уровне отдельных стран, на всю многообразную систему наднационального интеграционного сотрудничества, дав этому новому этапу хлесткое наименование «постлиберальный регионализм».

Логика подхода строится на выделении в качестве центрального ядра современных процессов, произошедших в середине 2000-х годов (с этого периода большинство экспертов датируют начало современного этапа),

Дмитрий Вячеславович Разумовский — кандидат экономических наук, и.о. заместителя директора по науке Института Латинской Америки РАН (razumovskie@inbox.ru).

Статья выполнена в рамках проекта РГНФ № 17-37-01019/15.

именно «левого поворота». Усложнение «идеологической» и концептуальной картины региональной интеграции предопределяет множественность подходов к его классификации. Большинство исследователей склонны противопоставлять его предшествующему этапу открытого регионализма. Бразильские экономисты Педро Вьегга и Сандра Риос, опираясь на констатацию факта смены политического вектора региона, хоть и идентифицируют современный этап развития интеграции как постлиберальный, но, указывая на его принципиальную несовместимость с периодом открытого регионализма, имеют в виду, скорее, понятие «антилиберальный»¹. В качестве антилиберальных признаков они выделяют политизацию внешнеэкономической деятельности и возвращение к десаррольистским мерам в политике интеграции². Такой подход представляется очень избирательным, так как откровенно антилиберальную политику проводил лишь один блок — Боливарианский альянс для народов нашей Америки (*Alianza Bolivariana para los Pueblos de Nuestra América, ALBA*). В повседневной жизни, да и в научном анализе людям свойственно использовать двоичную, бинарную систему идентификации явлений окружающего мира. Дихотомия «либеральный» / «постлиберальный» (в значении «антилиберальный») оказалась чрезвычайно удобной в политическом контексте ЛКА в 2000-е годы, что обеспечило быстрое тиражирование клише «постлиберальный регионализм». Однако в реальном мире за этими упрощенными терминологическими конструкциями скрываются сложные явления; подобные конструкции только затрудняют объективное научное изучение явлений современности во всем их многообразии.

Более взвешенное понимание термина «постлиберальный» предлагает известный испанский исследователь Хосе Антонио Санахуа. В его понимании термин «постлиберальный регионализм» означает скорее не противопоставление понятиям «либеральный» или «неолиберальный», а их развитие. Для периода открытого регионализма был характерен перекосяк в сторону торговой либерализации при меньшем внимании к тематике политики роста и хозяйственной перестройки. Разочарование в подобном подходе, по мнению исследователя, привело к отказу от традиционной либеральной логики интеграции и возврату к политике развития³. Если в период открытого регионализма в центре повесток всех объединений ЛКА была торговая либерализация, то в 2000-е годы она уступила лидерство неторговым направлениям сотрудничества. Как показано в дальнейшем анализе такой подход к трактовке понятия «постлиберальный регионализм» также включает в себе некоторые противоречия.

К сожалению, применительно к латиноамериканской интеграции подобные искажения в идентификации сущности различных этапов происходят не впервые. Во многом ошибочным было и определение тех изменений, которые происходили в регионе в 90-е годы, как «открытого регионализма», — термина, взятого из концептуальной базы интеграционного строительства в Азии. Попытки примирить непримиримое со стороны идеологов интеграции, прежде всего Комиссии ООН для стран Латинской Америки и Карибского бассейна (*Comisión Económica para América Latina y el Caribe, CEPAL*), привели к созданию очень противоречивой и внутренне нестройной конструкции, сочетающей в себе элементы непреференциальной, максимально открытой азиатской модели и преференциальных, жест-

ких и негибких схем в рамках таможенных союзов (Общего рынок стран Южного конуса (Mercado Común del Sur, Mercosur) и Андское сообщество наций (Comunidad andina, CAN)⁴.

Уход из власти в ряде стран ЛКА левых режимов в середине 10-х годов XXI в., уже получивший в научной литературе спорное название «правого поворота», очевидно, повлечет за собой и очередное изменение стратегий и подходов к региональной интеграции. Значительно изменился и внешний контекст: начали бурно формироваться, а затем тормозиться проекты мегаблоков, крупнейшие страны центра (прежде всего США) радикально меняют внешнеэкономический курс. В условиях всех этих, порой, противоположных тенденций сложно спрогнозировать особенности нового, «постлиберального» этапа латиноамериканской интеграции. Ряд зарубежных и российских авторов уже описывали облик ближайшего десятилетия латиноамериканского регионализма. В данной статье также предпринята попытка «заглянуть за горизонт», однако для этого необходимо критически оценить результаты завершившегося этапа начала 2000-х годов.

ДИНАМИКА ТОРГОВОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

В 2000-е годы торговая повестка перестала быть единственным, центральным элементом интеграционного развития в ЛКА. Произошло это по ряду причин: затухание динамики внутрizonальной торговли, а также появление ряда важных инициатив в сфере неторгового экономического, социального, политического сотрудничества. Множество исследователей поспешили назвать данные явления кризисом либеральной, открытой модели торговой политики. Отсюда и термин «постлиберальный регионализм».

Однако анализ торговой политики региональных интеграционных объединений в 2000-е и начале 2010-х годов показывает, что утверждения о кризисе прежней либеральной модели сотрудничества не совсем справедливы. Для удобства далее будут выделены основные компоненты торговой интеграции:

- либерализация и динамика внутрizonальной торговли;
- углубление и расширение форм сотрудничества;
- изменение внешней открытости.

В части торговой либерализации и ее влияния на показатели товарообмена между странами региона результаты 2000-х годов не были столь существенны, как в 90-е годы, когда после нескольких десятилетий кризиса страны предприняли серьезные усилия по истинной либерализации взаимной торговли и перешли к глубоким формам интеграции, таким, как таможенный союз (см. таблицу 1). Впрочем, мировой опыт торговой интеграции показывает, что резкий рост внутрizonальной / внутрирегиональной торговли происходит в первые пару десятилетий после начала реального снижения тарифных и нетарифных ограничений, но по прошествии определенного периода отмечается ее замедление или даже спад. Подобное можно было наблюдать на примере АСЕАН или ЕС, где доля внутрizonальной торговли (далее — ВЗТ) в последнее десятилетие стабильна. Даже изменение знака динамики, как это произошло в Mercosur, отнюдь не всегда свидетельствует об исчерпании модели интеграции или ее кризисе. Многие аналитики ошибочно ожидают некоего постоянного увеличения относительных и абсолютных показателей товарообмена внутри блоков.

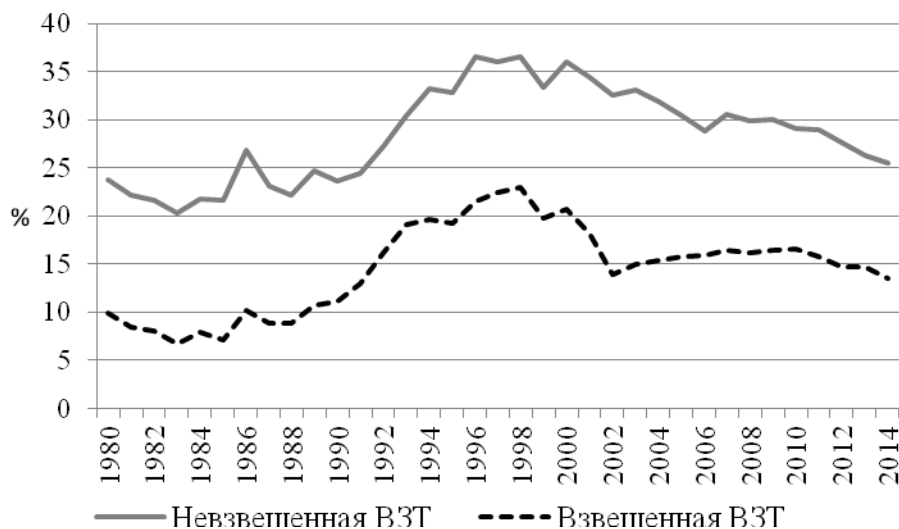
**ДОЛЯ ВНУТРИЗОНАЛЬНОЙ ТОРГОВЛИ ВО ВНЕШНЕТОРГОВОМ
ОБОРОТЕ ОСНОВНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ
ОБЪЕДИНЕНИЙ ЛКА (%)**

	1970 г.	1980 г.	1990 г.	2000 г.	2005 г.	2010 г.	2015 г.
Mercosur	9,65	9,87	11,05	20,73	15,80	16,50	14,67
CAN	2,09	3,97	4,17	9,28	8,51	7,49	6,51
AP	3,28	2,32	2,15	2,02	3,06	3,73	3,60
АЛАДИ	10,60	13,66	12,26	13,73	14,32	16,35	16,14
ЕС	49,95	49,49	57,85	62,92	63,47	60,48	61,54
АСЕАН	17,99	15,84	16,88	22,58	24,61	24,71	24,83

Источник: рассчитано на основе данных UN Comtrade.

Часто можно встретить критические замечания о том, что интенсивность внутризональной торговли в Mercosur или CAN даже в пиковые годы значительно ниже, чем в ЕС, АСЕАН или в АТЭС (хотя последний пока не является торговым блоком). На самом деле в общепринятом показателе доли внутризональной торговли в общем объеме внешнеторгового оборота объединения кроется определенный статистический дефект. Очевидно, что на данный показатель влияет множество факторов, однако можно выделить ряд главных: степень взаимодополняемости экономик; доля группы в общемировой торговле; степень неоднородности состава стран-участниц по масштабу экономик. При увеличении масштаба блока, при росте его доли в мировой экономике и мировой торговле автоматически растет доля торговых потоков, ориентированных вовнутрь, а не в третьи страны. По этой причине сравнение Mercosur или CAN с ЕС или АТЭС полностью некорректно. Сравнение латиноамериканских блоков с АСЕАН более репрезентативно, так как по размеру своих экономик они сопоставимы. Но АСЕАН является блоком с относительно однородным распределением экономического потенциала среди стран-участниц (за счет большого числа членов), в то время как в Mercosur на одну Бразилию приходится в три раза больший ВВП (по ППС), чем на Аргентину, Уругвай и Парагвай вместе взятые. Очевидно, что рынки стран — партнеров по Mercosur не смогут занять значимую долю бразильского экспорта, хотя для первых страна-гигант является ключевым партнером. Поэтому более объективным может оказаться показатель простого среднего долей товарооборота со странами-партнерами для каждой страны-участницы. Данный расчет целесообразен для Mercosur, так как в CAN в основном входят крупные страны. Невзвешенная доля ВЗТ в Mercosur оказывается почти на 15% выше, чем взвешенная доля ВЗТ, хотя в целом повторяет динамику второго показателя.

Рис 2. ВЗВЕШЕННАЯ И НЕВЗВЕШЕННАЯ ДОЛЯ ВНУТРИЗОНАЛЬНОЙ ТОРГОВЛИ В СТРАНАХ MERCOSUR



Источник: рассчитано на основе данных UN Comtrade

Как говорилось ранее, даже спад взвешенной или невзвешенной доли ВЗТ не всегда говорит о кризисе торгового сотрудничества внутри блока. Динамика стоимостного объема товарооборота в Mercosur (в постоянных ценах) выглядит благоприятной. После спада в конце 90-х — начале 2000-х годов (вызванного кризисами в Аргентине и Бразилии) все последующие 15 лет происходил рост, за этот период объем товарооборота удвоился, причем годовые темпы прироста не уступали тем, что были в первое десятилетие после создания Mercosur.

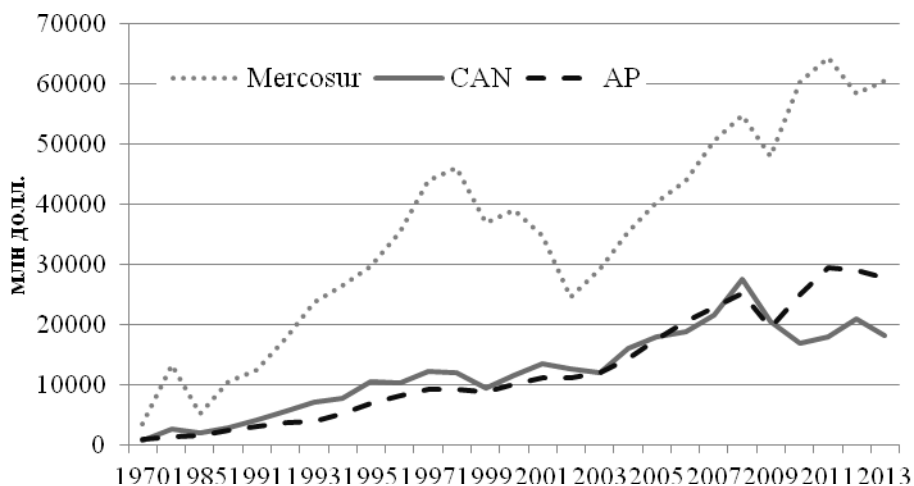
Блок CAN также демонстрировал стабильный рост объемов внутризонального товарооборота, однако кризис объединения в конце 2000-х годов, выход из него Венесуэлы, а позже и ухудшение отношений между Колумбией и Венесуэлой привели к закономерному спаду.

С одной стороны, абсолютные показатели товарооборота говорят о положительных результатах интеграции. В то же время пример азиатских блоков или ЕС демонстрирует, что интеграция позволяет внутренней торговле расти быстрее, чем внешней. В АСЕАН это было вызвано выстраиванием внутри блока региональных или элементов глобальных цепочек стоимости, завязанных в конечном итоге на Китай, Японию или США. Однако ни одну страну АСЕАН нельзя назвать значимым сырьевым экспортером, что отличает их от Бразилии или Аргентины.

Говоря о результатах торговой интеграции, важно понимать под этим понятием не только «поверхностные» показатели динамики внутризональной торговли, но и глубинные, порой сложные для объективной оценки процессы трансформации хозяйственных комплексов стран-членов. Интеграция — это создание новой, более эффективной системы разделения

труда, что выражается в изменении различных показателей специализации производства (отраслевые, пространственные) или торговли (внутри- или межотраслевая). Наиболее ярко подобные процессы проявились в Mercosur, если не брать пример блока Североамериканское соглашение о свободной торговле (North American Free Trade Agreement, NAFTA), который не является чисто латиноамериканским.

Рис 3. ОБЪЕМЫ ВНУТРИЗОНАЛЬНОГО ТОВАРООБОРОТА В ОСНОВНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЯХ ЛКА (в пост. ценах 2005 г.)



Источник: рассчитано на основе данных UN Comtrade

Изучение влияния экономической интеграции на параметры хозяйственного комплекса объединения является чрезвычайно сложной задачей, в частности потому, что в настоящее время еще не разработано универсального, общепринятого инструментария. Однако результаты ряда эмпирических исследований, в которых анализировались подобные эффекты в Mercosur, позволяют говорить о том, что в нем сформировалась устойчивая внутриблоковая система специализации хозяйства⁵. Наиболее известным примером является автомобильный сектор Аргентины, Бразилии и Уругвая, но в химической, целлюлозно-бумажной и в ряде подотраслей машиностроения также выстроились региональные цепочки стоимости на основе внутриотраслевой или межотраслевой специализации⁶. Отчетливо были проявлены все признаки реализации модели «центр-периферия», как это и предсказывалось «Новой теорией торговли» и теорией «Новой экономической географии». Несмотря на ряд методических сложностей в изучении этого явления, анализ динамики отдельных отраслей, а также внутриотраслевой специализации, позволяет сделать вывод о том, что Парагвай и Уругвай, особенно в первое десятилетие после создания блока, закрепили периферийное положение, а Бразилия и Аргентина усилили свою центральную роль⁷.

В других блоках подобные структурные изменения произошли не столь ярко и артикулированно. В андских странах масштаб экономик меньше, степень диверсификации хозяйств ниже, поэтому и эффекты слабее. Однако в двусторонней торговле некоторых пар стран (в рамках CAN) также наблюдались изменения, схожие по масштабу с теми, что происходили в Mercosur, прежде всего между Колумбией и Венесуэлой до момента ухудшения межгосударственных отношений. В Тихоокеанском альянсе (Alianza del Pacífico, AP) начало либерализации внутризональной торговли осуществлялось в рамках системы двусторонних договоров о свободной торговле, которые пары стран подписывали между собой, начиная с 90-х годов, однако основная масса соглашений пришлось на конец 2000-х годов. Из-за такого растянутого во времени и неоднородного по срокам процесса либерализации соответствующие структурные эффекты интеграции были «смазаны» и проявились слабо. Можно утверждать, что процесс формирования новой внутризональной системы специализации (разделения труда) в рамках AP еще не завершен.

О чем свидетельствует весь описанный выше опыт торговой либерализации и хозяйственной трансформации латиноамериканских объединений применительно к либеральному или постлиберальному характеру интеграции? Для ответа на этот вопрос стоит коротко рассмотреть историю развития стратегий и подходов к интеграции в регионе. В период закрытого регионализма первые региональные и субрегиональные объединения стремились повторить развитие европейского блока (на тот период — ЕЭС), последовательно углубив интеграцию от стадии зоны свободной торговли до общего рынка через таможенный союз. При этом в отличие от европейцев латиноамериканские идеологи интеграции во главе с CEPAL опасались болезненных и слабо предсказуемых последствий полной либерализации внутризональной торговли, что могло привести к усилению одних стран и упадку более слабых. Против подобных рисков выступали и национальные промышленные элиты, и профсоюзы. В результате ни в рамках Латиноамериканской ассоциации свободной торговли (Asociación Latinoamericana de Libre Comercio, ALALC) и Центральноамериканского общего рынка (The Central American Common Market, САСМ) или более позднего Андского пакта (Pacto Andino) тарифные и нетарифные ограничения во внутризональном товарообороте полностью сняты не были. Вместо этого подписывались так называемые соглашения об экономической взаимодополняемости, где тарифы снимались только на торговлю товарами, которые производятся на предприятиях, работающих в новых отраслях. Предполагалось сформировать эти отрасли «в ручном режиме», распределив их между странами-участницами. Так как этот процесс осуществлялся на фоне импортзамещающей индустриализации, происходившей в большинстве стран ЛКА, то и новые интегрируемые отрасли относились в основном к импортзамещающим. Подобный «ручной» метод регулирования хозяйственной специализации в рамках экономической интеграции получил название структурализм. Европейский подход, напротив, предполагал свободное действие рыночных сил при полной либерализации торговли, а более слабым странам, рискующим потерять часть промышленного потенциала, помогали с помощью инструментов развития (структурные фонды, инвестиции и т.д.). При сопоставлении европейского и латиноамериканского подходов того периода очевидно, что первый был именно либеральным, в то время как второй

сочетал в себе элементы плановой экономики и рынка, так как несмотря на сильное государственное регулирование основными акторами оставались национальные и иностранные компании, включая ТНК.

В период открытого регионализма в 90-х годов модель интеграции в латиноамериканских блоках стала похожа на европейскую. Условия работы частного капитала, в том числе иностранного, были значительно либерализованы, государство практически полностью устранилось из отраслевого регулирования. Единственными ограничениями в Mercosur и CAN стали особые режимы для отдельного набора чувствительных отраслей, которые исключались из общего режима либерализации ВЗТ и регулировались особыми соглашениями. Прежние, принятые в период импортзамещения, структуралистские инструменты интеграции были демонтированы.

РАСШИРЕНИЕ ПОВЕСТКИ СОТРУДНИЧЕСТВА

Перед описанием ситуации в период с начала 2000-х годов стоит сделать небольшой экскурс в теорию экономической интеграции. Среди европейских концепций интеграции выделяется неолиберальная школа (Джейкоб Вайнер, Бела Баласса, Джеймс Мид, Вильгельм Рёпке и др.), которая изучала именно экономические аспекты сближения стран, и именно ее положения вошли в основу европейской стратегии интеграции. Суть подхода состоит в утверждении, что при поэтапном продвижении к более глубоким стадиям интеграции более слабые страны окажутся в проигрыше, испытывая сложности в поиске своей ниши в новой системе разделения труда. Для компенсации негативных эффектов необходимо создание разного рода инструментов и институтов развития по широкому кругу направлений: единая промышленная, пространственная, позже и макроэкономическая политики, финансовые институты развития и др. Стремление принять подобные меры свидетельствовало не о нежелании государств вмешиваться дирижистскими методами в ход рыночных процессов, а об осознании необходимости эффективно регулировать возможные «ошибки рынка», обеспечивая политическую и социальную стабильность стран зоны. На примере ЕЭС (позже — ЕС) видно, как с помощью различных компонентов политики развития удалось эффективно встроить в европейский единый хозяйственный механизм восточноевропейские страны, рисковавшие потерять значительную часть своего менее конкурентоспособного промышленного потенциала при варианте «стихийной» интеграции. Подобный подход, не отрицавший разумную, селективную роль государственного регулирования (как национального, так и наднационального) при интеграции на рыночных принципах, продвигался сторонниками именно «неолиберальной школы», хотя последний термин в ЛКА привычно воспринимается гораздо более радикально. После периода реформ в экономике по рецептам «вашингтонского консенсуса» в 90-х годов под «неолиберализмом» в регионе понимают полное устранение государства из всех сфер, все попытки проведения государственной (надгосударственной) политики в рамках объединений воспринимались как пережитки структурализма. В рамках Mercosur или CAN практически не проводилась политика развития, отсутствовала единая промышленная или сельскохозяйственная политика, не было создано новых финансовых институтов, продолжали действовать только унасле-

дованные из прежней эпохи фонд Ла-Плата (El Fondo Financiero para el Desarrollo de los Países de la Cuenca del Plata, FONPLATA) и Андская корпорация развития (Corporación Andina de Fomento, CAF) (созданы в 70-х годах XX в.). Самым ярким примером «неолиберальной» интеграции в латиноамериканском понимании данного термина стал блок NAFTA. Он не предполагал перехода к глубоким формам интеграции — только зона свободной торговли (далее — ЗСТ), а инфраструктуры интеграции по аналогии с ЕС не было создано вовсе. В NAFTA отсутствует свой банк развития, нет наднациональных или исполнительных органов, ответственных за выработку общей политики и т.д. Подобный подход к сотрудничеству всегда был свойственен США, в каком-то смысле он и является истинно неолиберальным, этикие неоклассики в интеграции, в то время как европейцы в данной аналогии представляются неокейнсианцами. Возможно, что именно из-за восприятия именно американской модели как истинно неолиберальной среди латиноамериканских экспертов и элит и возникла подобная терминологическая путаница, когда любая попытка хоть как-то усилить государственное регулирование даже абсолютно рыночными методами воспринимается как отход от либерализма.

Период 2000-х годов в латиноамериканской интеграции ознаменовался восполнением тех недостающих элементов региональной повестки, о важности которых ярко свидетельствует европейский опыт. После проведения либерализации торговли в 90-е годы страны региона пришли к необходимости создавать систему инструментов развития дабы компенсировать негативные последствия, которые испытывали, прежде всего, малые страны (Парагвай и Уругвай в Mercosur, Боливия и Эквадор в CAN).

Расширение повестки происходило на двух уровнях: в отдельных субрегиональных блоках, а также в масштабе всего региона. В рамках Mercosur и CAN были сформированы целые системы финансовых институтов. В Mercosur в 2004 г. страны-участницы создали Фонд структурной перестройки (El Fondo para la Convergencia Estructural del Mercosur, FOCEM), действующий как классический финансовый институт развития для финансирования программ в малых странах объединения. Именно направленностью на решение проблем менее развитых стран FOCEM отличается от созданного еще в 70-е годы XX в. FONPLATA, который инвестирует в проекты во всех странах Mercosur, включая Боливию⁸. Новый фонд с годовым объемом капитала в 127 млн долл. начал операции в 2006 г. и на конец 2015 г. участвовал в финансировании инфраструктурных проектов (преимущественно транспорт и энергетика) общей стоимостью 1271 млн долл.⁹. Основные средства фонда предоставляются Бразилией (70% капитала), на Аргентину приходится 27%. Уругвай и Парагвай предоставляют 2% и 1% объема капитала соответственно¹⁰. При этом на последние две страны пришлось больше 80% всех инвестиций фонда. Политика Mercosur направлена и на «вертикальную» интеграцию всех слоев общества в процессы регионального сотрудничества. Так, для улучшения ситуации с доступом на общерегиональный рынок малых и средних предприятий в 2008 г. было принято решение об учреждении Гарантийного фонда Mercosur (Fondo Mercosur de Garantías para Micro, Pequeñas y Medianas Empresas, FOPYME) объемом 100 млн долл. в год¹¹, который решал бы задачи предоставления кредитных ресурсов для совершения торговых операций. Новый фонд при-

ступил к работе в первой половине 2014 г., однако данных по результатам его работы пока нет¹².

Значительные достижения в создании системы финансовых институтов развития характерны и для САН. Одним из наиболее мощных в масштабах всей ЛКА банков развития является уже упомянутая САФ, в которую на правах ассоциативных членов входят не только все страны Южной Америки и ряд государств Центральной Америки и Карибского бассейна, но и Португалия и Испания. Корпорация значительно расширила свою деятельность в 2000-е годы. По данным издания «Financial Times» в 2012 г. САФ стала крупнейшим инвестором в инфраструктурные проекты региона, обогнав по объему предоставленных средств Межамериканский банк развития и Всемирный банк вместе взятых¹³. Помимо банковских институтов в рамках САН функционируют Латиноамериканский гарантийный фонд (Fondo de Garantía Latinoamericana, FOGAL), ориентированный на предоставление гарантий по торговым операциям для малого и среднего бизнеса, и Латиноамериканский резервный фонд (Fondo Latinoamericano de Reservas, FLAR). Фонд создавался для упрощения доступа андских стран к финансовым ресурсам для покрытия торговых дефицитов, что дополнительно стимулировало внутрizonальную торговлю. Капитал фонда по состоянию на апрель 2017 г. составлял 3,9 млрд долл. Несмотря на явные успехи в развитии финансовых инструментов развития, нацеленных на интеграцию, расширение механизмов и направлений финансирования, общая «фондовооруженность» латиноамериканской интеграции остается в разы ниже, чем в ЕС или Азии.

Ранее отмечалось, что опыт успешного развития ЕС демонстрирует, что финансовые меры должны быть тесно увязаны с двумя проекциями общей политики: промышленной и пространственной. В результате своего развития общеевропейская промышленная политика отказалась от принципов прямого вмешательства или регулирования, она направлена на поддержку или координацию инновационных, образовательных, технологических аспектов хозяйства, развитие кластерных инициатив, гармонизацию стандартов, создание финансовых институтов развития и др.¹⁴ В ЛКА подходы к промышленной политике менялись вслед за изменениями концептуальных парадигм интеграции. Как отмечает российский экономист Анна Абрамова Лавут, после периода полного отказа от отраслевого регулирования в 90-х годах XX в. в 2000-е годы пришло осознание необходимости формирования единой промышленной политики на абсолютно новых принципах, отличных от структурализма¹⁵. Правда, совершить реальный прорыв от идей до конкретных мер смог лишь один блок — Mercosur. Его видение промышленной политики было созвучно идеям CEPAL — стимулирование деятельности фирм, повышение их конкурентоспособности, облегчение промышленной кооперации. В 2008 г. в Mercosur была принята Программа производственной интеграции (ППИ), в декларации о которой значились конкретные цели: выстраивание трансграничных производственных цепочек, помощь PYMES, поддержка кластерных инициатив, гармонизация стандартов и др.¹⁶ Запущенная ППИ пока не продемонстрировала значимых достижений, так как большинство ее механизмов предполагает значительные объемы финансирования, которых нет. В рамках САН Кирамской декларацией 2003 г. были введены единая сельскохозяйственная политика, общие меры по стимулированию низовой, приграничной интеграции. В течение 2001—2003 гг. также были при-

няты единые программы развития транспортной отрасли (гармонизация правил регулирования, упрощение трансграничных перевозок), электроэнергетики (объединение энергосистем, взаимные поставки электроэнергии), телекоммуникаций (создание межгосударственной компании «Andesat S.A.»). В CAN гораздо раньше, чем в Mercosur, были гармонизированы правила регулирования и поддержки инвестиций, также был шире спектр отраслевых соглашений (АПК, энергетика, автомобилестроение и др.).

Ряд направлений интеграционного сотрудничества оказалось выгоднее проводить в рамках не отдельных субрегиональных объединений, где порой было сложно обеспечить необходимый для эффективности масштаб, а в рамках всего южноамериканского континента. Это те инициативы, которые вошли в повестку Союза южноамериканских наций (Unión de Naciones Suramericanas, Unasur) — неторгового блока с широкой палитрой направлений экономического, социального и политического сотрудничества. В экономической составляющей объединений можно выделить энергетическое, инфраструктурное и инновационное сотрудничество. Все они реализованы в рамках соответствующих советов министерского уровня. Причина, по которой именно указанные темы были перенесены с субрегионального на региональный уровень, — экономическая целесообразность, так как только на общерегиональном уровне можно достичь ощутимых результатов от сотрудничества. Развитие и функционирование Unasur подробно освещалось в зарубежной и российской научной литературе, стоит выделить лишь часто встречающуюся особенность при оценке объединения или его идеологической идентификации. Российский политолог Андрей Николаевич Пятаков относит Unasur к левым или левоцентристским блокам, ставя его в ряд с ALBA¹⁷. Признаками «левизны» Unasur он видит то, что союз создан, прежде всего, по инициативе левых правительств Бразилии и Венесуэлы, а также то, что в его повестке отсутствуют задачи торговой либерализации. С этими тезисами трудно спорить, однако стоит вспомнить, что цель построения южноамериканской ЗСТ значилась в качестве главной в предшественнике Unasur — в блоке Сообщество южноамериканских наций (Comunidad Sudamericana de Naciones, CSN). Формировать континентальную ЗСТ предполагалось путем завершения проекта соответствующего соглашения между CAN и Mercosur, которые полностью так и не было реализовано. Сложности с построением такого масштабного торгового блока привели к исключению соответствующего пункта из учредительных договоров Unasur, однако это не означает, что вся остальная часть повестки нового союза автоматически стала анти- или постлиберальной. Социальные инициативы Unasur, нацеленные на координацию национальных социальных программ, в том числе по борьбе с бедностью, — пожалуй, единственное направление в рамках Unasur, которое можно отнести к «условно левому»¹⁸.

Ряд российских и зарубежных экспертов рассматривают диверсификацию повестки как «расширение в ущерб углублению»¹⁹. Отчасти это утверждение может быть верным, особенно в том, что касается сфер безопасности, образования, здравоохранения. Однако и с точки зрения описанной ранее теории интеграции, и с позиций опыта объединений Европы и Азии становится очевидным, что последовательное углубление интеграции невозможно без создания сложной системы инструментов развития. В рамках различных институтов ЕС осуществляется многоуровневое взаимодей-

ствие по еще большему количеству направлений (социальных, политических, экономических и др.), однако вряд ли какой-нибудь эксперт назовет модель европейской интеграции левой или левоцентристской.

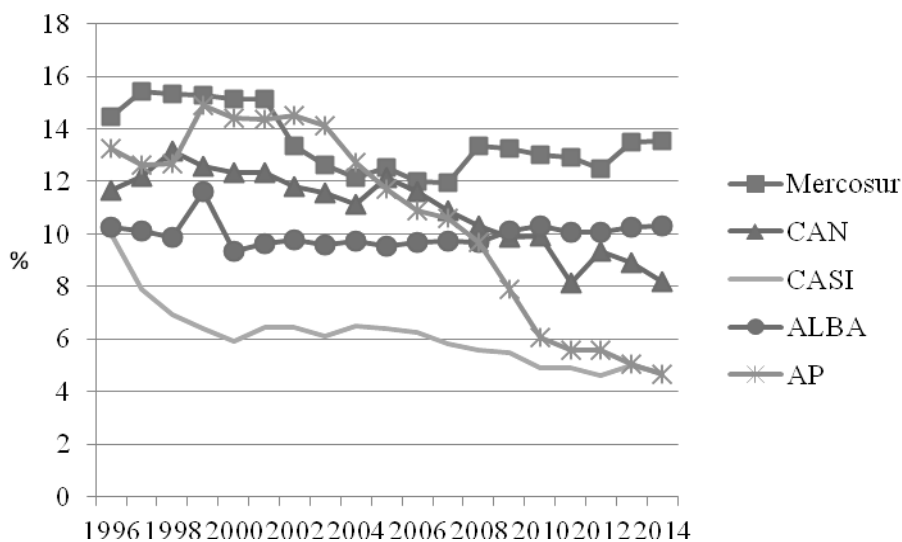
ВНЕШНЯЯ ПРОЕКЦИЯ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Важнейшей мегатенденцией развития латиноамериканской интеграции стало наращивание внешнего, прежде всего внерегионального сотрудничества объединений. Расширение направлений и форм внерегионального сотрудничества является отражением двух особенностей современного этапа глобализации: активизации обмена инвестициями и технологиями между различными регионами мира и перехода к новой системе организации экономической деятельности — формированию трансграничных глобальных цепочек стоимости. Это влечет за собой изменение принципов развития региональной интеграции: происходит переход от преференциальных региональных торговых блоков к системе торговых соглашений с отдельными внерегиональными партнерами и к трансрегиональным мегаблокам, придерживающихся принципов свободной торговли и стремящихся максимально облегчить формирование на их территории элементов производственных систем²⁰.

В общественном сознании принято соотносить внешнеторговую открытость с либеральной политикой, а закрытость, выражающуюся в высоком уровне тарифных и нетарифных ограничений, — с протекционизмом и антилиберализмом. Данное разделение очень условно и дискуссионно, многие крупные страны с либеральной экономикой на разных этапах их развития чередовали периоды протекционизма и открытости. Однако в ЛКА различия в характере внешнеторговой политики коррелируют с политической ориентацией правящих элит. Четко выделяется две модели внешней либерализации: протекционистская и открытая (см. рисунок 4), которые можно также классифицировать как две зоны интеграции — северная вокруг США и NAFTA, включая ряд тихоокеанских стран (Чили, Перу, Колумбия), и южная вокруг Mercosur и ALBA, где лидерами являлись Бразилия и Венесуэла. В этой логике концептуальная основа южной зоны — отрицание чисто рыночных моделей интеграции, основанных на максимальной либерализации внутризональной торговли и росте внешней открытости. К особенностям интеграционных объединений южной зоны можно отнести следующие: стремление сохранить их преференциальный, протекционистский характер, расширение тематики сотрудничества за счет включения задач социального развития, финансового, инфраструктурного, энергетического сотрудничества и др. Для стран и объединений южной зоны характерна пассивная позиция в отношении торговой либерализации с внерегиональными партнерами. Так, в 2005 г. благодаря активной позиции Бразилии были прекращены переговоры об образовании Всеамериканской зоны свободной торговли (Free Trade Area of the Americas, FTAA). Зашли в тупик и переговоры о создании соглашений о свободной торговле (далее — ССТ) между Mercosur и ЕС. Единственным примером ССТ между странами или объединениями южной зоны и внерегиональными партнерами стал ССТ Mercosur — Израиль, подписанный в 2007 г.

В то же время северная зона отличается большей торговой открытостью и гибкостью в проведении сепаратных, двусторонних торговых переговоров. Многие страны северной зоны, осознавая преимущества расширения доступа на внерегиональные рынки, в 2000-е годы приступили к подписанию целой серии ССТ с Евросоюзом и Европейской ассоциацией свободной торговли (European Free Trade Association, ЕFТА), а также с государствами Азиатско-Тихоокеанского региона (далее — АТР). В результате такие страны как Чили, Перу, Мексика, Колумбия являются лидерами в ЛКА по количеству действующих ССТ с внерегиональными партнерами.

Рис. 4. СРЕДНИЙ УРОВЕНЬ ИМПОРТНЫХ ТАРИФОВ В РЕЖИМЕ НАИБОЛЬШЕГО БЛАГОПРИЯТСТВОВАНИЯ (%)



Источник: рассчитано на основе данных TRAINS-WITS

Пожалуй самым ярким проявлением «духа» открытой модели интеграции в северной зоне стал Тихоокеанский альянс. Стратегия развития нового блока имеет много общего с тем курсом, которого придерживаются восточно-азиатские интеграционные союзы. Среди направлений торгового сближения (содействие торговле, санитарные и фитосанитарные нормы, торговля услугами, государственные закупки) особо выделяется гармонизация правил происхождения товаров. Не секрет что даже в очень открытых и либеральных торговых соглашениях за счет правил происхождения товаров создаются весьма существенные барьеры для третьих стран, а также осложняются процессы промышленной кооперации. Помимо общей гармонизации правил по различным группам товарной номенклатуры государства АР впервые в ЛКА внедряют систему кумулятивных правил происхождения товаров. Основное преимущество кумулятивной системы — это облегчение как выстраивания региональных цепочек стоимости, так и встраивания в уже существующие цепочки в странах АТР, которые сами активно используют подобную либеральную систему. Отличие же от традиционных латиноамериканских

субрегиональных блоков заключается в уклонении от создания преференциальных торговых схем, именно поэтому в целях блока не значится создание таможенного союза.

Стратегия пяти (шести) латиноамериканских стран нацелена на наиболее эффективное и своевременное встраивание в процессы формирования транстихоокеанской зоны свободной торговли, которые проходят в формате «от регионализма к мультилатерализму». И здесь АР получит преимущество перед другими государствами Латинской Америки и союзами, которым потребуется дополнительное время на гармонизацию своих торговых правил и процедур.

Новые политические элиты в двух крупнейших странах южной зоны — Аргентине и Бразилии — уже заявили о своем намерении отказаться от жесткой, неэффективной преференциальной политики в рамках Mercosur. Размораживание переговоров с Евросоюзом, Мексикой и идея соглашения с АР — все это свидетельствует о том, что блок будет двигаться в сторону большей открытости, гибкости, не исключается даже отказ от формата таможенного союза. Только ALBA останется оплотом протекционизма, единственным «осколком» южной зоны. Жесткие законы экономической эффективности показали, что утверждения о жизнеспособности «постлиберальной» модели интеграции оказались преждевременными, во внешне-торговой политике наступит «ренессанс» открытого регионализма.

БУДУЩИЕ СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Развитие латиноамериканской интеграции в ближайшее десятилетие будет определяться следующими ключевыми факторами:

- противостояние двух тенденций: глобализации и возрастающего экономического национализма;
- динамика политических циклов в ЛКА: завершение «левого поворота» и крен вправо или в сторону центразма;
- завершение сырьевого макроцикла в мировой экономике и переход к «новой нормальности».

Большинство экономистов и специалистов по международной торговле были солидарны в оценке глобализации как объективного процесса, движимого экономическими законами роста эффекта масштаба и выгод от разделения труда. Формирование трансконтинентальных мегаблоков воспринимались именно как логичный этап на пути глобализации мировой экономики. Но существуют различные мнения относительно того, мешают ли мегаблоки многосторонней либерализации в рамках ВТО или, напротив, являются элементами будущей глобальной торговой системы. Однако не вызывает споров единая направленность этих двух подходов в сторону большей открытости и либерализации, чем есть на текущий момент.

Однако одновременно все слышнее становятся голоса противников глобализации, осуществляющейся на основе нынешних правил. Отказ новой администрации США в 2017 г. от проекта Транс-Тихоокеанского партнерства (Trans-Pacific Partnership, TPP), сложности в переговорном процессе по Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству (Transatlantic Trade and Investment Partnership, TTIP), начало процесса пере-

говоров по пересмотру существующих соглашений (NAFTA), а также наложение экономических санкций на Россию со стороны «коллективного запада» — все это свидетельства набирающего силу национализма и изоляционизма. Поразительно то, что лидером этого движения стала определенная часть элит в США, страны, которая всеми воспринималась как главный двигатель и бенефициар глобализации.

Очевидно, что судьба мегаблоков для ЛКА, региона, зажатого между Тихим и Атлантическим океанами, является определяющим фактором для будущего ее интеграционных стратегий. Ряд стран ЛКА сделали ставку на участие в TPP, новые элиты в Бразилии и Аргентине требовали пересмотра внешнеторговой политики своих государств для минимизации рисков вытеснения с важных рынков США, ЕС и Тихоокеанской Азии. Отказ администрации Д.Трампа от мегаблоков в ближайшие несколько лет может привести к неопределенности стратегий и к необходимости поиска механизмов ответа на «шоковые» обстоятельства.

Первая реакция властей ряда латиноамериканских стран, участвующих в TPP, позволяет говорить об их намерении искать новые формы региональных торговых блоков в АТР²¹. Чили планирует подписать торговые соглашения в формате, предполагавшемся в рамках TPP, с отдельными странами — участницами блока. Чили и Перу также пытаются дать четкий сигнал Вашингтону, что срыв торговой сделки приведет к усилению роли Китая в АТР, который продвигает собственный проект мегаобъединения — Всестороннее региональное экономическое партнерство (Regional Comprehensive Economic Partnership, RCEP) на базе АСЕАН +6. Президент Перу Педро Пабло Кучински открыто призвал к переговорам по новому соглашению, которое включало бы Китай вместо США. Руководство Мексики было более осторожно в комментариях, заявив лишь о заинтересованности в продолжении переговоров по TPP без участия США, но не упоминая Китай как возможного альтернативного США лидера.

Очевидно, что Китай не может выступать полноценной альтернативой США в качестве ядра торгового блока. Для латиноамериканских стран Соединенные Штаты являются основным поставщиком технологий и инвестиций в высокотехнологичные отрасли. Американские компании в течение десятилетий выстраивали свои высокотехнологичные производственные цепочки в Мексике или Коста-Рике. В случае торгового сближения с Китаем модель взаимодействия сторон рискует свестись к формуле «сырье в обмен на готовую продукцию».

В настоящее время сложно предсказать дальнейшие действия правительства США в отношении торговых переговоров в АТР. Уступка Китаю лидерства и инициативы в регионе — не в интересах американской администрации. Можно ожидать выдвижения новых торговых инициатив, вероятно, с упором на двусторонний формат переговоров, как это предполагалось в рамках проекта ALCA. Подобная схема позволит США повысить свои переговорные позиции и добиться уступок, которые не были возможны при администрации Барака Обамы²².

Развитие интеграционных процессов в ЛКА будет определяться не только внешними факторами, но и внутривнутриполитической ситуацией. «Левый поворот», который слабо предсказывался аналитиками, по сути перекроил «интеграционную карту» региона. Он привел к возникновению принципиально новых блоков

(ALBA) и похоронил те проекты, которые продвигались США (ALCA). Можно ожидать, что наступивший новый политический цикл в регионе также повлечет за собой пересмотр интеграционных стратегий. Среди аналитиков в настоящее время отсутствует единство в оценке текущих сдвигов в политическом ландшафте региона. Уход из власти в Аргентине и Бразилии левоцентристских правительств и приход новых элит, придерживающихся принципов неолиберальной идеологии, а также острейший политический кризис в Венесуэле многими воспринимается как завершение левого цикла и движение политического маятника вправо. Более обоснованным представляются оценки, согласно которым страны, бывшие в левом лагере, будут двигаться в сторону центристских курсов. Левые политические силы сохраняют популярность в Аргентине и Бразилии, в ходе новых электоральных циклов возможен их реванш. К тому же новые неолиберальные правительства не смогут полностью отказаться от всех социальных программ и завоеваний без риска снижения поддержки. Венесуэла, единственный на сегодня лидер южной зоны интеграции, даже в случае сохранения у власти еще на некоторый период левого правительства не сможет продвигать свой интеграционный проект ALBA, функционирование которого подразумевает значительные финансовые расходы. Альянс может сохранить ряд менее затратных проектов и инструментов, отказавшись от обременительных для Венесуэлы механизмов энергетического сотрудничества (льготные поставки нефти странам-партнерам) или сохранения сукре как валюту взаиморасчетов.

Динамика политических циклов в ЛКА тесно связана с цикличностью мировой экономики. Сырьевой макроцикл, длившийся с начала 2000-х годов и позволивший странам региона сделать скачок в экономическом развитии, по мнению большинства аналитиков, подошел к концу. Изменения конъюнктуры прежде всего затронут экспортеров углеводородов и черных металлов, в лучшем положении окажутся поставщики цветных металлов и сельскохозяйственного сырья. Сокращение поступлений от экспорта поставит перед рядом стран (Венесуэла, Эквадор, Бразилия, в меньшей степени Аргентина и Боливия) задачу улучшения доступа на рынок товаров обрабатывающей промышленности. Сделать это в рамках прежней протекционистской парадигмы внешнеторговой политики будет невозможно, необходимо будет эффективно встраиваться в глобальные производственные цепочки. Эти факторы будут подталкивать страны к отказу от жестких, преференциальных моделей интеграции и переходу к открытой, гибкой политике. В краткосрочной и среднесрочной перспективе сокращение доходов стран с сохраняющимися у власти левыми режимами (Венесуэла, Эквадор) также сузит финансовую поддержку леворадикальных проектов в рамках ALBA и заставит отказаться от идей формирования региональных, независимых от государств коллективного Запада финансовых институтов (банков развития, резервных фондов и др.).

С учетом вышесказанного, применительно к латиноамериканской интеграции в среднесрочной перспективе, можно ожидать следующих основных событий:

— активизации торговых переговоров между странами северной зоны интеграции с партнерами в АТР. Новые соглашения позволят компенсировать последствия отказа от TPP, а также обеспечат более эффективное встраивание местных компаний в набирающие силу глобальные цепочки стоимости в Тихоокеанском регионе;

— латиноамериканские страны сохраняют высокую заинтересованность в торговых соглашениях с США, которые, вероятно, перейдут к двустороннему формату переговоров. Однако усиление роли Китая и его проекта RCEP позволит латиноамериканским странам компенсировать свои переговорные позиции за счет балансирования между китайскими и американскими инициативами;

— инициирование новой администрацией США пересмотра существующих торговых соглашений (НАФТА) может оказать негативное воздействие на Мексику и центральноамериканские страны, что будет подталкивать их к активизации сотрудничества с Азией. Однако США сохраняют заинтересованность в рынке латиноамериканских государств для сбыта своей продукции (в том числе произведенной на «возвращенных» предприятиях), что, вероятно, заставит американское правительство смягчить свою позицию;

— страны Mercosur, прежде всего Аргентина и Бразилия, рисковавшие стать самой пострадавшей стороной в случае создания транстихоокеанского и трансатлантического блоков, получили из-за их приостановки несколько лет «передышки», которые должны быть потрачены на реформирование явно устаревшей модели блока. Новые неолиберальные элиты, в случае, если они останутся у власти, будут настроены на размораживание давно буксующих переговорных процессов с ЕС, возможен поиск новых потенциальных партнеров;

— как следствие роста внешней открытости Mercosur возможны отказ блока от формата таможенного союза или формирование новой модели интеграции, сочетающей в себе сохранение части инструментов ТС и общего рынка с возможностью ведения сепаратных торговых переговоров (по аналогии с Тихоокеанским альянсом). Однако подобное совмещение вызывает вопросы с точки зрения его теоретической реализуемости, так как в мире пока отсутствовали подобные примеры;

— на общерегиональном уровне повестка торгового сотрудничества будет концентрироваться на таких сферах, как нетарифные ограничения, гармонизация правил и стандартов, содействие торговле. В регионе почти достигнут предел тарифной либерализации (с учетом отраслевых ограничений), в то же время именно снятие нетарифных барьеров кроет в себе огромный ресурс для интенсификации внутререгионального товарообмена. Возможно, что система кумулятивных правил происхождения товаров, в настоящее время используемых только в ТА, будет распространена на новые страны региона, в том числе на Mercosur;

— общерегиональные объединения (Unasur, CELAC) начнут ослабевать. Во-первых, это будет связано с усилением конкуренции между сохраняющимися левыми и правыми режимами. Во-вторых, создание и успешный запуск Unasur стал возможен благодаря активной позиции Бразилии, выступавшей ядром интеграции всего региона. Экономический кризис и приход новых элит, возможно, приведет к ослаблению лидерских позиций страны, что негативно скажется и на общерегиональных союзах. В-третьих, объединения создавались и наполнялись инициативами в период благоприятной конъюнктуры мировых рынков, когда страны региона могли себе позволить реализовывать дорогостоящие проекты создания финансовых институтов развития или инфраструктурных строек, которые во многом и были основой Unasur. Ожидаемое десятилетие низких темпов роста приведет к

отказу от затратных, но громких общерегиональных проектов, основные усилия будут концентрироваться на более прагматичных и менее финансово емких направлениях (образование, здравоохранение, ИКТ и др.).

Если попытаться заглянуть в совсем далекое будущее, то целесообразно рассмотреть два сценария развития латиноамериканской интеграции. По мнению ряда авторитетных экспертных центров (МВФ, PWC, Atlantic council) ЛКА будет расти со среднемировыми темпами, опережая развитые страны, но уступая государствам тихоокеанской Азии. Из этих оценок следует важнейший вывод: ЛКА не превратится в центр мирового экономического развития в ближайшие десятилетия. Это предопределяет то, что роль региональной интеграции станет скорее сервисной, она будет призвана решать задачи более эффективной интеграции в производственные системы АТР, но не станет самостоятельным драйвером роста, как на это надеются аналитики CEPAL.

Сохранят свое влияние и ряд традиционных внутренних факторов. Вряд ли стоит ожидать, даже с учетом возможных смен политических элит, отхода Бразилии или Аргентины от позиций умеренно-закрытой торговой политики в сторону максимально либеральной и открытой. Можно надеяться на определенный прогресс в этих странах, отказа от откровенно протекционистских мер, однако сохранение влияния групп местных промышленных элит, привыкших к определенному уровню защиты от импорта, или профсоюзов, особенно сильных в Аргентине — все это будет придавать определенную инертность политике как на национальном уровне, так и в рамках Mercosur. Такие страны, как Чили, Перу, Мексика, Панама, сохраняют приверженность курсу открытого регионализма, значение которого для гарантирования места на рынках АТР будет возрастать. Сохранение северной и южной зон интеграции, даже с учетом изменения политической мозаики региона, представляется устойчивым на долгосрочную перспективу.

Можно выделить два сценария долгосрочного развития латиноамериканской интеграции. Оптимистичный сценарий опирается на предположения о сохранении среднемировых темпов роста экономики стран, а также на политическую стабилизацию региона, не допускающую резкой идеологической поляризации. Это обеспечит условия для гармоничного развития существующих проектов, а также облегчит выстраивание общерегионального диалога. Государства добьются определенных успехов в снятии нетарифных и тарифных ограничений, будут обеспечены условия для выстраивания региональных цепочек стоимости. В орбиту интеграции включатся новые сферы, ранее остававшиеся за рамками традиционных схем интеграции: сфера услуг, макроэкономическая политика, финансовое регулирование. Однако даже при условии решения обозначенных задач интеграция сохранит роль инструмента интеграции на внерегиональные рынки, прежде всего стран АТР. Необходимость эффективного взаимодействия с внерегиональными партнерами приведет к модернизации или ослаблению существующих преференциальных блоков, ключевым фактором жизнеспособности объединений станет гибкость в сфере торговых связей с внерегиональными партнерами. Возможно успешное завершение торговых переговоров Mercosur с ЕС, хотя значение последнего во внешнеторговом обороте блока будет ослабевать.

Вес США в мировой экономике будет снижаться, что скажется и на роли страны как торгового партнера ЛКА. Возможно коренное изменение текущей ситуации, когда страны ЛКА больше заинтересованы в США, чем

наоборот. Рост изоляционизма американской экономики вынудит латиноамериканские страны, прежде всего Мексику и государства Центральной Америки, искать новые рынки сбыта в Азии, что снизит их зависимость от северного соседа. Усиление конкуренции со стороны Китая, вместе с заинтересованностью в рынке латиноамериканских государств, может подтолкнуть будущие администрации США проводить более гибкую торговую политику без навязывания жестких, откровенно невыгодных развивающимся странам обязательств.

Негативный сценарий основывается на предположении о росте политической и идеологической поляризации, скатывании стран, зависящих от сырьевого экспорта (в том числе Бразилии), к долгосрочной стагнации или экономическому спаду. В этой ситуации разрыв между северной и южной зонами интеграции будет углубляться при одновременном ослаблении последней. В случае роста экономического национализма и протекционизма невозможно будет осуществлять эффективную общерегиональную торговую либерализацию. Страны Тихоокеанского побережья усилят ориентацию на АТР, преференциальные блоки по-прежнему будут проводить закрытую политику, однако возможно и обострение протекционизма и между государствами — членами блока, что уже наблюдалось в 90-х годов XX в. Общерегиональные объединения потеряют часть своих функций (финансовых, внешнеполитических, в сфере безопасности), продолжая сотрудничество лишь в менее конфликтных сферах. Примерами подобного негативного сценария может служить современное развитие интеграционных проектов в Африке, роль которых в экономическом развитии стран континента минимальна.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

¹ P.Veiga, S.Rios. O regionalism pos-liberal, na Amércia do Sul: origens, iniciativas e dilemas. – CEPAL. Serie Comercio internacional, 2007, p.41.

² Ibid., p.5

³ El regionalismo “post-liberal” en América Latina y el Caribe: Nuevos actores, nuevos temas, nuevos desafíos. Anuario de la Integración Regional de América Latina y el Gran Caribe 2012. CRIES, 2012, p.32.

⁴ Более подробно о противоречиях латиноамериканской трактовки «открытого регионализма» см.: Д.В.Разумовский. Новые пути региональной интеграции: латиноамериканский и восточноазиатский опыт. Вестник Института экономики РАН, 2014, №1, с. 122-129 [D.V. Razumovskii. Novye puti regional'noi integratsii: latinoamerikanskii i vostochnoaziatskii opyt] [New ways of regional integration: Latin American and East Asian experience]. Vestnik Instituta ekonomiki RAN, 2014, №1, p.122-129.

⁵ P.Sanguinetti, L.Traistaru, V.Martincus. Economic Integration and Location of Production Activities: the Case of Mercosur. IADB, 2004

⁶ Д.В.Разумовский. Стратегии и модели внутриотраслевой специализации торговли в интеграционных объединениях Южной Америки. Дисс. канд. экон. наук. М., 2015, 342 с. [D.V. Razumovskii. Strategii i modeli vnutriotraslevoi spetsializatsii torgovli v integratsionnykh ob'edineniyakh Yuzhnoi Ameriki] [Strategies and models of intra-industry trade in South American integration unions].

⁷ Ibid., p.214

⁸ D.Berrettoni, J.Lucangeli. MERCOSUR: Asymmetries and the Mercosur Structural Convergence Fund (FOCEM). IDB-INTAL, @journal, Vol.16, №34, 2012, p.39.

⁹ El Fondo para Convergencia Estructural del Mercosur – FOCEM (2005-2015). Unidad Technica FOCEM-UTF, Secretaria del Mercosur. Diciembre 2015, p.6

¹⁰ Available at: http://www.mecon.gov.ar/peconomica/basehome/inversionpub_focem.htm (accessed 30.10.2017).

¹¹ CEPAL. Panorama de la inserción internacional de América Latina y el Caribe. 2010-2011. Santiago de Chile, 2011, p.94

¹² Available at: <http://www.mercosurabc.com.ar/nota.asp?IdNota=3258&IdSeccion=1> (accessed 20.10.2017).

¹³ A. Beattie. World Bank: An exercise of influence – Financial Times, retrieved 2012-04-03.

¹⁴ S. Lowitt. Examples of industrial policy approaches within regional integration initiatives – some reflections for the Southern African Customs Union (SACU). TIPS, 2011, p.9.

¹⁵ А. А. Лавут. Новый этап промышленной политики в Латинской Америке и региональная интеграция. — Латинская Америка, 2013, № 6, с. 39. [A.A. Lavut. Novyi etap promyshlennoy politiki v Latinskoj Amerike i regional'naya integratsiya] [New stage of Latin American industrial policy and regional integration]. Latinskaya Amerika, 2013, №6, p. 39.

¹⁶ H. Varsky. Programa de Integración Productiva del MERCOSUR. SELA, 2011, p. 3.

¹⁷ А. Н. Пятаков. Боливарианский и Тихоокеанский альянсы. — Латинская Америка, 2014, № 9, с. 26 [A.N. Pyatakov. Bolivarianskii i Tikhookeanskii al'yansy] [Alliances Bolivarian and Pacific]. Latinskaya Amerika, 2014, № 9, p. 26.

¹⁸ А. Н. Пятаков. «Социальное» как поле межгосударственной интеграции (опыт Латинской Америки). — Социология, 2015, № 3, с.19. [A.N. Pyatakov. «Sotsial'noe» kak pole mezhgosudarstvennoy integratsii (opyt Latinskoj Ameriki)] [Social agenda as the subject of regional integration]. Sotsiologiya, 2015, № 3, p. 19.

¹⁹ Интеграционные процессы в Латинской Америке: состояние и перспективы. — Аналитические тетради, 2012, № 22, с. 12. [Integratsionnye protsessy v Latinskoj Amerike: sostoyaniye i perspektivy] [Integration process in Latin America: current stage and perspectives]. Analiticheskie tetradi, 2012, № 22, p. 12.

²⁰ Д. В. Разумовский. Торговое сотрудничество ЛКА с внерегиональными партнерами. — Латинская Америка, 2016, № 3, с.6. [D.V. Razumovskii. Torgovoe sotrudnichestvo LKA s vneregional'nymi partnerami] [Trade cooperation between Latin America and extraregional partners]. Latinskaya Amerika, 2016, № 3, p. 6.

²¹ А. А. Лавут. Транстихоокеанское партнерство, Дональд Трамп и латиноамериканская интеграция. — Латинская Америка, 2017, № 9, с. 29. [A.A. Lavut. Transtikhookeanskoe partnerstvo, Donal'd Tramp i latinoamerikanskaya integratsiya] [Trans-Pacific Partnership, Donald Trump and Latin American integration]. Latinskaya Amerika, 2017, № 9, p. 29.

²² М. Ю. Лосева. Торговые соглашения Латинской Америки в период глобальной неопределенности. — Латинская Америка, 2017, №11, с.65. [M.Yu. Loseva. Torgovye soglasheniya Latinskoj Ameriki v period global'noi ne-opredelennosti] [Trade agreements of Latin America in the period of global uncertainty]. Latinskaya Amerika, 2017, №11, p. 65.

Dmitry V.Razumovskiy (razumovskie@inbox.ru)

Ph.d. in economics, Vice-director of Institute for Latin American Studies of Russian Academy of Science

The end of post-liberal regionalism in Latin America?

Abstract. In the scientific literature for the period of development of Latin American integration since the early 2000s until the middle of the 10-ies the definition of "post-liberal regionalism" was fixed. This term does not accurately reflect the essence of the events that took place, what can cause distortions in understanding of the real dynamics of integration processes and makes it difficult to predict their future. It is obvious that now days the region is on the threshold of a new stage in the development of regionalism. An attempt to describe the "image of the future" is presented in this article.

Key words: regional integration, Latin-American, post-liberal, open regionalism, Mercosur, UNASUR, Pacific alliance.